

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ И ОТНОШЕНИЯ ВОСТОК – ЗАПАД

ЛАНДА

Роберт Григорьевич

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник, Институт
востоковедения РАН (107031, Москва, ул.
Рождественка, д.12).

E-mail: e-csherbakova@yandex.ru

Аннотация. Исторический опыт отношений по линии Восток-Запад характеризуется очевидной неустойчивостью, конфликтностью и наличием стереотипов. Довольно успешное противостояние Западу со стороны некоторых мусульманских политий, вставших в начале XX века на собственный путь национализма и мусульманского социализма, в последующие годы претерпевало сильнейшие трансформации. В нестабильности немусульманского Запада оказывается и секрет нестабильности исламского Востока. Он подвергается, как модернизационным воздействиям, так и вызовам расовой и религиозной дискриминации, национальной розни и социально-политическим волнениям. Их сплетение порождает дестабилизацию в восточных обществах и одновременно укрепляет позиции политического ислама. Попытки Запада игнорировать эти процессы лежат в основе образования экстремистских идеологических устремлений, которые используются силами на Западе в своих безответственно авантюрных интересах.

Ключевые слова: политический ислам, Восток, Запад, фундаментализм, экстремизм, «социум общей судьбы».

Политический ислам — это третья за последние 200 лет волна подъема сопротивления мира ислама колониализму Запада. Первой волной был панисламизм, который стремился объединить преимущественно мусульман-суннитов под эгидой османского султана-халифа. Но панисламисты не справились с этой задачей и после исчезновения в 1918 г. Османской империи практически ушли в небытие. Второй волной стал национализм, в 20–60-х гг. XX в. почти повсеместно добившийся политического суверенитета стран ислама. Однако, придя к власти, националисты, не обладая новейшими технологиями, вынуждены были обращаться за ними... к тем же державам Запада, от которых только что с большим трудом избавились. Более того, они быстро установили, что у них нет необходимых финансовых средств для развития экономики и преодоления технической, культурной и прочей отсталости, а также — квалифицированных кадров, с помощью которых можно было бы освободиться от наследия колониальной зависимости, обеспечить подъем народного хозяйства и духовной жизни соотечественников. За технологиями, финансами и кадрами пришлось снова идти на поклон к экс-колониализаторам.

История

Казалось, ничто не изменилось. Но не стоит забывать, что за первую половину XX в. мир ислама прошел через горнило двух мировых войн, жестоких социальных битв и сражений за независимость. Мусульмане в массе своей требовали уважения их религии и культуры, их богатой истории и национального достоинства. Запад этого не хотел, стремясь сохранить устраивавшее его соотношение сил. Кроме того, он просто не понимал Восток, закоснев в имперском высокомерии и глубочайшем убеждении в превосходстве своей цивилизации, своих нравов и образа жизни. В сущности, нежелание и неумение правителей Запада найти общий язык с миром ислама и породило политический ислам, включивший в себя и опыт панисламизма по всемирному сплочению мусульман, и унаследованные от национализма современные формы политической организации масс, агитации и пропаганды, и заимствованные у Запада новейшие информационные и военные технологии, а также современные методы миссионерской, профсоюзной, партийной и прочей деятельности. Они хорошо координируют свои действия в разных странах и даже на разных континентах, великолепно владеют техническими и прочими достижениями Запада, умело применяя их против самого Запада. Осознав свою силу и влияние, часть приверженцев политического ислама стали выступать за крайние методы борьбы, за «радикальный разрыв с установленным порядком», т. е. за разрушение не только государств Запада, но и государств Востока, если они не руководствуются «откровениями Аллаха»¹. По мере роста успехов политического ислама экстремисты среди его сторонников становились все заметнее.

Мусульман, конечно, не может не заботить то обстоятельство, что среди всех ученых мира их единоверцев — всего 1%. По данным проф. Г. И. Мирского, в арабских странах ежегодно переводится иностранных книг в 5 раз меньше, чем в одной Греции (300). Инвестиции в сферу науки — в 7 раз ниже общемирового уровня. Совокупный валовый домашний продукт 56 стран — членов Организации Исламской конференции (ОИК) меньше, чем в одной Франции. А когда-то, в IX–XV вв., маяками науки и культуры для всего мира были Дамаск, Багдад, Каир, Кордова и Гранада (как центры мусульманской страны Аль-Андалус). Все это не может не рождать среди мусульман комплекс неполноценности, обиду, ностальгию по временам былой славы и длительной гегемонии арабо-исламской цивилизации в мире. Но было бы неверным видеть в этом причины якобы нежелания или неспособности современного мира ислама, как считают на Западе, «справиться с демонами... нетерпимости и экстремизма»².

Большинство мусульман мира не поддерживают экстремистов. Даже среди последователей политического ислама приверженцы крайних мер

¹ Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 28, 30–32.

² Мирский Г. И. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире: доклад на международной конференции в ИМЭМО РАН 27 июня 2003 г. С. 2–3, 6.

не преобладают. Однако на Западе почему-то никто не задает себе вопрос: почему все больше и больше мусульман поддерживает идеологию и практику политического ислама? Почему на место выбывших активистов политического ислама сразу же встают новые борцы? Да потому, что самые миролюбивые и терпеливые среди них видят, что происходит, и понимают сейчас гораздо лучше, чем раньше, суть политической и экономической зависимости своих стран от неоколониалистов, механизмы социального и морального их угнетения Западом, изощренность новых форм эксплуатации Востока Западом.

В этих условиях кто-то может терпеливо ждать перемен к лучшему, а кто-то этого не желает, не имея возможности (чисто материальной) ждать или же исчерпав резерв своего терпения. Сельские и городские социальные низы, составляющие более трети мусульман от Марокко до Бангладеш, по многочисленным наблюдениям очевидцев и социологов, отличаются не просто нетерпением, но во многих случаях доведены до отчаяния и склонны к самым крайним методам общественно-политического протеста. Это в полной мере относится к Пакистану с его примерно 75% неимущих или малоимущих горожан, к Ливану с его 35% безработных, массовыми жертвами и разрухой вследствие гражданской войны 1975–1991 гг., к Марокко с 20% безработных и Алжиру с 22% безработных, а в еще большей степени — к палестинцам, две трети которых одно время были неимущими беженцами в лагерях ООН¹.

Все они поддерживают сегодня политический ислам. Одни — морально и политическими средствами (мы их называем умеренными), другие — радикально и силой оружия (мы их считаем экстремистами), но думают они одинаково. Экстремисты могут стать умеренными и наоборот в зависимости от хода событий, как это мы наблюдали последние годы в Алжире, Египте, Тунисе и других странах.

Истоки нынешнего кризиса, переживаемого исламской цивилизацией, — не в борьбе этих течений. Не стоит демонизировать проявления (или, если угодно, последствия) гораздо более глубоких явлений, уходящих корнями во тьму веков, прежде всего тысячелетней традиции военно-религиозного противостояния, накопления взаимных претензий, опасений и фобий — короче, всего многообразного и во многом горького наследия веков непростого и драматического сосуществования, чаще всего — в борьбе и взаимных подозрениях мусульманского Востока и христианского Запада. Речь сегодня идет о том, как преодолеть значительную (если не преобладающую, к сожалению) негативную часть данного наследия. Этого нельзя добиться насильем, тем более военным, блокадой, навязыванием миру ислама представлений и убеждений, к восприятию которых он не готов или не вполне готов. Уже не одно столетие люди Запада с трудом постигают, а чаще всего — не могут

¹ Ближний Восток и современность, 2002. № 14. С. 193; Аль-ислам фи таарих шууб аш-шарк [Ислам в истории народов Востока]. Бейрут, 1986. С. 105–110; The Palestine Question. N.Y., 1980. P. 16.

постигнуть (особенно в США) неприемлемость для мира ислама «западных стандартов жизни». Отсюда все неудачи в решении бесчисленных проблем в отношениях западных и восточных, прежде всего исламских, государств, западных и восточных обществ.

Не понимая причин исламского экстремизма и рожденного им терроризма, западный мир взирает на мир ислама со страхом и недоумением, квалифицируя ислам как якобы «религию вражды и ненависти», как источник постоянной и, как кажется большинству европейцев и американцев, неспровоцированной угрозы насилия. Эта тревога начинает распространяться и на другие немусульманские страны. Надежды же на то, что идущий процесс глобализации все «отрегулирует» и поставит на место, в общем-то призрачны. Тем более что в нем участвуют (нередко активно ему сопротивляясь) очень разные страны «с их несхожими проблемами, интересами, с их различным геополитическим положением». За общей картиной глобализации очень многие государства, и прежде всего мир ислама, видят глобализм эгоцентристской неокOLONиальной политики США и их сателлитов. «Мы не хотим только одной дороги европейской культуры, — сказал в 1986 г. один из идеологов политического ислама и лидер мусульман Судана Хасан ат-Тураби. — Мы хотим автономии. Мы хотим нашей самобытности, хотя мы сегодня более слабые и отсталые. Но мы хотим, по-братски и мирно, дать человечеству кое-что свое»¹.

Но подобного рода высказывания не находят отклика на Западе, где никому, естественно, и в голову не приходит чему-либо учиться у Востока. Такие мысли могут привлечь внимание лишь крайне левых или анархистов-антиглобалистов, т. е. заведомого меньшинства. Но для людей Востока, мусульманского прежде всего, все подчиняющий глобализм и имперские амбиции Запада, особенно единственной ныне «сверхдержавы», неокOLONиалистский подход к решению практически всех проблем, возникающих в двусторонних отношениях, это важная и актуальная проблема, во многих случаях — суть общественно-политического бытия сегодня. Неразрешенность, неурегулированность противоречий данного бытия, их тупиковый характер вследствие отсутствия перспективы положительного исхода, собственно говоря, и породили во многом исламо-экстремизм. Подобная политика, отмечал еще в 2001 г. премьер-министр Ливана Рафик аль-Харири, «ввергает людей в отчаяние, подталкивает их к отчаянным поступкам»². При этом напомним, что аль-Харири вовсе не был антиамериканцем или вообще антизападником. Наоборот, он был одним из самых богатых миллиардеров и выдающихся политиков Ближнего Востока, тесно связанных с деловыми кругами и Запада, и арабского мира. И именно поэтому он прекрасно отдавал себе

¹ Мирский Г.И. Указ. соч. С. 5–6; The Middle East viewed from the North. Bergen, 1992. P. 197.

² Известия. 2001. 1 ноября.

отчет в неминувемых последствиях недальновидной, безответственной и своекорыстной политики США и их союзников, превратившей Ближний Восток в очаг постоянной угрозы для международной безопасности.

Конечно, политический ислам — это сложное и многоаспектное явление, в значительной мере возникшее вследствие внутренней эволюции мира ислама и в результате слияния ряда процессов этой эволюции, главным образом политизации все более растущего и все более нищающего мусульманского населения, усвоения им чужого и выработка в водовороте событий XX в. собственного революционного опыта, соединения этого опыта с традициями политической культуры мира ислама (теократизма, джихадизма, суфизма, национализма) и заимствованными мусульманскими диаспорами в Европе и Америке специфическими «западными» формами борьбы (партиями, профсоюзами, культурными и иными ассоциациями, благотворительными и прочими фондами, СМИ всех видов и т. д.). Итог всего этого многопотокowego развития подвел исламский фундаментализм, который появился одновременно и как закономерная стадия становления религиозно-политического сознания мусульман, и как их реакция на угрозу своей социокультурной идентичности вследствие многостороннего давления Запада¹.

Он представляет собой очередной (не раз уже происходивший в истории ислама) «возврат к истокам», на этот раз вызванный одновременно и наступлением Запада в сферах экономики, политики, морали, дипломатии, технологии, и ползучей «вестернизацией» (под воздействием Запада) быта, нравов, социальных связей между людьми, подрывающей традиционную монополию ислама в этих сферах жизни мусульманского общества, и болезненной ломкой структур этого общества в ходе его трудного приспособления к требованиям обновления хозяйственных механизмов и глобализации мировых экономических связей. В сущности, прямым результатом этих процессов явились не только внедрение новейших технологий и обновление производственных циклов, повышение уровня культуры и жизненных стандартов местных элит, но и быстрый рост обнищания, высокие темпы разорения крестьянства и обильное пополнение социальных низов восточного города гигантской массой сельских маргиналов. Около половины (свыше 40%) этих лиц остаются безработными или людьми без определенных занятий, что превращает многие города Востока в социальный пороховой погреб².

¹ Наиболее адекватное определение исламского фундаментализма, данное учеными из США, это «ответ... на угрозу расшатывания и разрушения исламской идентичности или подавления этой идентичности». См.: Центральная Азия и Кавказ, 2000. № 1(7). С. 128.

² Например, в 70–80-х годах из 160 млн арабов лишь 2% жили в роскоши, 10% безбедно, но остальные в основном вынуждены были бороться за выживание. Около 50% горожан самой большой арабской страны — Египта — жили ниже черты бедности. (См.: Арабский мир. Три десятилетия независимого развития. М., 1990, с. 204).

В тех же регионах, где модернизация и вестернизация (а значит и глобализация) проходят менее болезненно по историческим, социокультурным и иным причинам (в т. ч. религиозным), социальное недовольство проявляется в меньшей степени. Но на севере Африки и на Ближнем Востоке, в Южной и Центральной Азии ситуация иная. Именно здесь исламский фундаментализм обрел почву под ногами на громадном пространстве от Пакистана и Индонезии (да и Индии с ее более чем 100 млн мусульман) до Марокко и Западной Африки, а также в образуемых выходцами из этих стран общинах мусульманских иммигрантов в Западной Европе и Северной Америке.

Было бы неверным, как это иногда делается, ставить знак равенства между исламскими фундаменталистами и исламо-экстремистами. Кстати, сами экстремисты не оставляют сомнений в этом вопросе, осуждая умеренных фундаменталистов за «политическую дезориентацию», прислужничество властям, «снижение потенциала революционного ислама» (таковы были обвинения экстремистских группировок «Аль-Джихад аль-ислами» и «Аль-Каиды» в 70–80-х гг. в адрес «Братьев-мусульман» Египта и ассоциации «Джамаат ат-таблиг», т. е. «Общины проповеди», весьма влиятельной в Южной и Юго-Восточной Азии). Лидер «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири даже назвал присягу «Братьев-мусульман» президенту Египта Мубараку в 1987 г. «политическим и идеологическим самоубийством», а в 1998 г. осудил освобождение 7 тыс. обвиненных в исламизме египтян, формально — за отсутствие среди освобожденных «крупных деятелей», а фактически — за то, что эта и другие подобные меры могут сбить необходимую экстремистам напряженность в обществе, улучшить имидж правительства и стимулировать эволюцию многих (не только освобожденных) исламистов от экстремизма к умеренности, заставив их забыть, что в стране «управляют не по шариату», а с Израилем заключен мирный договор¹.

В отличие от умеренных фундаменталистов, согласных отстаивать мирными средствами религиозную, этнонациональную и социокультурную идентичность мусульман, экстремисты остро критикуют тех, кто занят «только религией», называют создание блоков мусульман с другими силами (националистами, коммунистами и т. п.) «союзом с шайтаном». Они предъявляют Западу нереальные требования («мы не прекратим наши атаки до тех пор, пока вы не образумитесь и не вернетесь на праведный путь»), явно с целью создания (вернее, поддержания) обстановки ненависти и нетерпимости. «Мы разрушим европейские города, сравняем их с землей. Мы устроим водопады крови», — заявили в июле 2004 г. «Бригады Абу Хафса аль-Масри», названные в честь погибшего в 2003 г. в Афганистане лидера «Аль-Каиды» и «отметившиеся» с августа 2003 г. терактами в Ираке, Турции, Испании, акциями саботажа в Англии и США. При этом они, как и другие группировки подобного

¹ Ражбадинов М. З. Радикальный исламизм в Египте. М., 2003, с. 71, 144–150, 157.

рода, сознательно провоцировали недоверие к 18 млн мусульман, живущим в странах Запада, где, по мнению профессора Джорджтаунского университета Ивонны Язбек Хаддад, многие «опасаются за демократические и капиталистические традиции, как и за либеральные социальные ценности», а также за «гомогенное западное общество», т. к. «верят в чистоту расы, цивилизации или культуры». Поэтому против мусульман на Западе давно уже объединяются правые круги и шовинисты США, Франции, Бельгии, Германии, Швейцарии и Голландии¹.

В то же время исламские фундаменталисты умеренного толка, в отличие от радикалов, могут быть и вполне мирными людьми, уважающими закон и порядок, отвергающими насилие и всецело обращенными к защите традиций ислама, соблюдению предписаний Корана и шариата, уважению и жесткому выполнению всех обрядов своей религии. Нередко критика ими негативных явлений сопровождается требованиями возрождения моральных ценностей ислама. С позиций Корана и Сунны осуждаются неблагоприятные факты светской жизни, развенчиваются некоторые официальные служители религии как «уклонившиеся от праведного пути». Многие фундаменталисты, например, в Центральной и Южной Азии, считают, что те мусульмане, которые тратятся на выполнение многочисленных и дорогостоящих обрядов, предписываемых «народным» (т. е. суфийским) исламом, но не выполняют неукоснительно пяти столпов веры (пятикратной молитвы, поста рамадан, паломничества в Мекку, священной борьбы — джихада и помощи бедным единоверцам), на деле отходят от ислама. Однако именно в этом вопросе нередко стирается грань между «мирным» и «немирным» фундаментализмом. Встречая сопротивление и традиционного духовенства, и стоящих за его спиной правящих политических элит, фундаментализм резко политизируется. Но это не обязательно ведет к исламо-экстремизму, как считают многие².

Дело в том, что политический ислам, являясь отражением (и выражением) исламского фундаментализма в политической практике, может быть и радикальным, и умеренным, иначе говоря, может сползать к экстремизму и терроризму, но может быть и вполне вменяемым. Многие на Западе (да и в России) не утруждают себя подобной дифференциацией, сваливая в одну кучу все виды исламизма и призывая мир ислама «избавиться от разъедающей его раковой опухоли». Но это — иллюзия. Мусульманский Восток уже более полувека переживает определенную и, как представляется автору этих строк, вполне закономерную фазу своего исторического развития, а именно политического ислама. И он может от нее «избавиться» не ранее, чем будут выполнены задачи этой фазы. Кроме того, эта фаза вовсе не обрекает страны ислама на превращение в источник терроризма. Многое при этом зависит от поведения

¹ Известия. 2004 30 июля; ISIM Newsletter. Leiden, 1998. N1. P. 5.

² Ближний Восток и современность. 2002. № 14. С. 193.

Запада, от проявления им доброй воли к соглашению с теми течениями современного ислама, которые согласны отстаивать свои цели мирным путем и политическими (а не военными) средствами.

Политический ислам в наши дни может быть весьма влиятелен, даже не господствуя в той или иной стране. Поэтому правящая элита любого мусульманского государства вынуждена считаться с самим фактором его присутствия и импульсами его воздействия на общество изнутри. Об этом говорит и «реисламизация» текстов конституций таких стран, как Алжир, Бангладеш, Египет, Сирия, ранее ориентировавшихся на секуляризм. Об этом же свидетельствует массовый приток в соответствующие организации молодой интеллигенции и студенчества, физиков и математиков, озабоченных решением не религиозных, а политических задач, но с помощью религии и в русле ее логики, что ранее не наблюдалось и стало возможным лишь в условиях доминирования политического ислама в умах людей. Повсюду образованные мусульмане в конце XX — начале XXI в. обличали «упадок государства, коррупцию и обогащение правящих элит», имеющих прямое отношение к неокOLONиалистской политике Запада в странах ислама¹.

США, начав военную операцию против талибов в Афганистане, о причастности которых к делам Бен Ладена и «Аль-Каиды» у них, очевидно, должны были быть достоверные сведения ввиду связи спецслужб США с самыми разными вооруженными движениями в регионе (в т. ч. и самой «Аль-Каидой»), вместе с тем взяли курс на расширение своего военного присутствия где только возможно, включая Центральную Азию и Закавказье, а также на военное подавление Ирака, Сирии, Ливии и запугивание таких стран ислама, как Иран, Судан, Йемен, Ливан. Присвоив себе право обвинять в «поддержке терроризма» всякого, чья политика не устраивает США по тем или иным причинам, Вашингтон фактически взял курс на сугубо силовое решение (и по своему разумению, хотя это слово тут неуместно) всех проблем мира ислама, особенно на Ближнем Востоке. Но этот курс не имеет перспективы, т. к. он не ослабляет, а объективно усиливает исламо-экстремизм, провоцируя во всем мусульманском мире рост соответствующих настроений и укрепляя там позиции тех сил, которые организовали события 11 сентября 2001 г. в США и, между прочим, получили моральную поддержку если не большинства, то, во всяком случае, слишком многих мусульман в самых разных странах. Конечно, удары по исламо-экстремистскому подполью на Западе и по странам, где экстремисты находят (или теоретически могут найти) поддержку, дадут какие-то результаты. Но проблемы они не решат, ибо многообразные и глубокие корни исламо-экстремизма не уничтожат. К тому же США и их ближайшие союзники не проявили особого интереса даже к познанию и, тем более, к пониманию этих корней.

¹ Roy O. Genealogie de l'islamisme. P., 1995. P. 18, 61–66; Islam: State and Society. London-Riverdale, 1988. P. 191; Islam, Muslims and the Modern State. London, 1996. P. 3–46, 298–301.

А это означает, что объективно противостояние Запад — Восток будет продолжено, а мусульманская составляющая этого противостояния в полной (может быть, даже в большей, чем раньше) мере сохранит свое значение. Судя по всему, в Западной Европе кое-кто отдает себе отчет в этом. Поэтому и Париж, и Лондон, да и некоторые другие европейские центры пытаются проводить более мягкую линию восточной политики, стараясь преодолеть «традиционно скептическое» отношение народов Востока, о котором говорил в сентябре 2004 г. (да и позже) премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган (кстати, лидер умеренно-исламистской партии). Франция, открывшая у себя 2 тыс. исламских ассоциаций, налаживает активные отношения не только с арабским миром, но и со столь отдаленным от нее государством, как Малайзия. В Великобритании, Испании, Германии ведется глубокое изучение ислама и христианско-исламских отношений, делаются усилия по улучшению взаимопонимания людей Запада и Востока. Страны Европейского союза, делая упор на формальное равноправие, экономическое, техническое и культурное сотрудничество со своими бывшими колониями, проявляют заботу об их просвещении, экономическом и культурном развитии, а также об устройстве у себя выходцев из этих колоний — трудовых мигрантов, учащихся, стажеров. Впрочем, даже эти усилия радикально не меняют сложившееся положение¹.

Причина этого — в том, что множество трудовых мигрантов из стран Востока очень часто не приживаются на Западе, не могут адаптироваться к непривычным для них условиям и, не находя ни жилья, ни работы, автоматически становятся обозленными маргиналами. Нередко это люди, прибывшие на Запад нелегально. Но и тем, кто прибыл на вполне законных основаниях, не всегда удается избежать подобной участи. Тем самым создается среда, благоприятная для роста преступности, терроризма и исламо-экстремизма. Тем более что недоверие к мусульманам на Западе и страх перед ними, имеющий давние исторические корни, с особой силой вновь вспыхнули после 11 сентября 2001 г., распространившись не только на бедняков и беженцев, но и на более состоятельную часть выходцев из стран Востока — студентов, служащих, предпринимателей.

Проблема исламо-экстремизма как и взаимоотношений с Востоком, по-иному стоит в России и СНГ. Не анализируя глубоко положение ислама в СССР, ограничимся лишь напоминанием о том, что взаимоотношения ислама с советской властью во многом сохранили то, что было в них за много веков до 1917 г., а именно постоянное сочетание элементов конфликтности и сотрудничества, относительно терпимый (с конца XVIII в.) характер межконфессиональных отношений, постепенную эволюцию от враждебности и репрессий сталинского периода (коснувшихся не только мусульман) к более спокойному, лояльному и в чем-то

¹ Известия, 15.10.2001; 20.10.2003; 21.09–23.12.2004; Новая газета, 11–13.02.2002; Arabs and the West. Mutual Images. Amman, 1998. P. 59–71, 83–161.

взаимовыгодному компромиссу. Сыграло, очевидно, свою роль объединявшее ислам и православие традиционное неприятие цивилизации Запада, особенно ее морально-психологических, идейно-ментальных аспектов. Надо признать также правильность сформулированного французским историком Николя Вертом положения о формировании в СССР «нового социума общей судьбы» с участием всех этносов и конфессий, в т. ч. и мусульман. Как бы ни относиться к жизни мусульман в СССР, особенно к басмаческому движению 20-х гг., репрессиям 30-х гг. и депортациям 40-х, не стоит забывать, что «советизация» российского Востока, в т. ч. мусульманского, сопровождалась модернизацией общества (гораздо более масштабной и глубокой, чем в колониях Запада), значительным ростом экономики, сферы просвещения и социальных гарантий, началом формирования гражданского самосознания, прежде всего у мусульман, и расцветом их культуры. Происходило также сближение мусульман с другими этносами СССР, особенно с русскими, в т. ч. в личном и социокультурном плане. То, что в ряде мусульманских республик СССР доля смешанных браков достигала 25–30% их общего числа, лишь подтверждает это¹.

Ислам как бы вписался в упомянутый «социум общей судьбы», т. к. у него нашлось немало общих социопсихологических и мировоззренческих установок с постулатами социализма (по крайней мере, в его российской интерпретации), особенно тех, что касались приоритета коллективизма (или общинной солидарности) над индивидуализмом, ориентации прежде всего на социальную справедливость (а не на материальную рациональность), восприятия авторитарной власти государства как нормы политической культуры. Даже коллективизация сельского хозяйства, в принципе совпадавшая с традициями общинного устройства, в большинстве случаев не вызывала протеста, тем более что ее в мусульманских регионах СССР, прежде всего в Центральной Азии, в основном приспособили к местным условиям вплоть до сохранения в ряде случаев вакуфных земель.

Сыграли свою роль и создание на мусульманских территориях национально-государственных автономий (у большинства мусульман СССР — впервые в их истории), и поощрение развития (пусть с известными ограничениями) традиций местной самобытности. Бесспорно и то, «что в течение десятилетий происходило “врастание” мусульманской элиты в социальную систему советского общества». Мусульмане СССР одобряли советскую помощь антиколониальным и антизападным движениям. Так что вполне логична была в СССР изумлявшая западных авторов «удивительная терпимость по отношению к исламу»². И все это не исчезло после 1991 г., да и не могло исчезнуть! Более того, наследие

¹ Азия и Африка сегодня, 2001. № 4. С. 33–34; Верт Н. История Советского государства. М., 1992. С. 171.

² Верт Н. Указ. соч. С. 340–343, 347; Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 42–64; Bennigsen A., Quelquejay Ch. Islam in the Soviet Union. London, 1967. P. 144.

и дореволюционных, и советских времен продолжает жить на постсоветском пространстве.

В целом, несмотря на развал СССР и порожденные им кризисные явления во всех сферах жизни России и СНГ, «социум общей судьбы» устоял, хотя процесс его возрождения и укрепления серьезно тормозится, временами даже ставится под вопрос. Учитывая системный кризис, поразивший одновременно сферы экономики, политики, идеологии и морали на всем постсоветском пространстве, а также бесчисленные конфликты, территориальные споры, извлеченные из глубин истории ссоры и взаимные претензии народов, надо удивляться, что во всем этом хаосе и сплетении трагедий исламо-экстремизм не сыграл более значительную роль и не занял более заметное место. Тем не менее его проявления наблюдаются почти повсюду, а исламский фундаментализм и сейчас еще имеет определенные позиции (кое-где — крепнущие) среди мусульман Поволжья и Дагестана (в основном как выражение оппозиции более молодого поколения, пока еще находящегося в меньшинстве, более традиционно мыслящему большинству). Не менее серьезная роль исламских фундаменталистов (неточно именуемых «ваххабитами») в Центральной Азии и на Северном Кавказе преимущественно связана с сильнейшей идейной, финансовой, военной и кадровой поддержкой соответствующих международных кругов, прежде всего «Хизбу-т-тахрир аль-ислами» (Партии исламского освобождения), организаций «Аль-Каида», «Джабхат ан-Нусра», «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), а также их тайных союзников. Среди них — и правящие элиты некоторых мусульманских государств и, очевидно, многие неформальные религиозные структуры (от тайных обществ и некоторых суфийских братств до различного рода международных мусульманских фондов), да и некоторые круги Запада, с начала событий 1979 г. в Афганистане и Иране рассчитывавшие вытеснить СССР, а потом Россию с Востока руками исламо-экстремистов, а затем решить с их помощью свои проблемы на Балканах (в Боснии, Албании, Косово, Македонии, Черногории), в Африке («отодвинув», в частности, Францию из Магриба, Ливии и Египта) и на Ближнем Востоке (противопоставив исламо-экстремистов баасистам в Ираке и Сирии, светским националистам в Ливане и Палестине, курдскому движению в Турции, Иране и Ираке)¹.

Международный аспект исламо-экстремизма ныне доминирует. Но было бы неверным игнорировать внутренние его корни, сыгравшие, в частности в России, на первых порах определенную роль, прежде всего экологические бедствия (например, фактическая гибель Аральского моря), массовую безработицу начала 90-х гг. и небывалое падение производства в ряде областей (в Чечне — на 4/5), лояльную в отношении совпартаппарата прежнюю позицию старого

¹ Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union. Gainesville (USA), 1994. P. 75, 185–208.

духовенства, препятствовавшего религиозному самовыражению молодых националистов. Кое-где к этому добавился высокий уровень организованной преступности вследствие криминализации конфессионально-клановой системы, а также живучести тяжелых воспоминаний о Кавказской войне 1817–1861 гг. и депортации мусульман Северного Кавказа в 1944–1956 гг.

Все эти факторы, используемые противниками и конкурентами России, безусловно, представляют опасность для ее целостности. Однако, бросив ретроспективный взгляд в прошлое, можно признать, что «социум общей судьбы» вторично (после 1917–1922 гг.) испытывается на прочность и в основном (хотя и не во всем) выдерживает это жестокое испытание. В Чечне и соседних республиках (Ингушетии, Дагестане, Северной Осетии в первую очередь) наряду с акциями исламо-экстремистов активизировались и силы, им противостоящие. Если тенденция последних лет продолжится, исламо-экстремизм в России не будет иметь никаких шансов. На это работают давние межкультурные контакты и взаимодействие России и ислама. В самой России мусульман и немусульман ежедневно (в течение уже почти 1000 лет) сближают география, история, экономика, политика и геостратегия, взаимовлияние и взаимопонимание, основанные на общем труде и общих интересах, взаимной учебе и взаимном уважении в процессе совместной жизни¹. Но, разумеется, действие этих объективных факторов будет во многом зависеть от фактора субъективного — политики российских властей и всех противников экстремизма и терроризма, их политического искусства и способности достойно ответить на брошенный историей вызов.

Укрепление связей России с исламом, к сожалению, осложняется напряженной обстановкой в мире, нагнетаемой США с начала XXI в. Агрессия США в Афганистане в 2001 г., в Ираке в 2003 г., бомбардировки Югославии в 1999 г. и провоцирование нападения Грузии на Южную Осетию (фактически — на Россию) в 2008 г., содействие серии государственных переворотов под маской «арабской политической весны» в 2010–2014 гг. явились открытой претензией США на мировое господство. Свергнув (формально — руками исламистов) правительства Египта, Туниса и Ливии, США начали чуть ли не открытую войну против Сирии, затем против Йемена. Это — завершающий этап длившейся более полувека и полной интриг, заговоров и провокаций борьбы за устранение национальных арабских режимов, созданных «эпохой Насера», т. е. временем 1952–1963 гг., когда почти все арабские страны освободились от колониальных оков. Этого не хотели ни США, ни традиционные колонизаторы Европы, ни уцелевшие арабские монархии, опасавшиеся республиканских революций у себя дома.

¹ Азия и Африка сегодня, 2001. № 4. С. 34; Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia. Stockholm, 1999. P. 9–81.

Формально США и вообще страны Запада всячески открещиваются от исламо-экстремистов, даже ведут против них военные операции (обычно безрезультатные или малоэффективные). Но на самом деле эти операции — лишь маскировка истинных целей неокOLONIALISTОВ. Иначе зачем им было уничтожать режимы Саддама Хусейна в Ираке и Муаммара Каддафи в Ливии, которые вели с экстремистами беспощадную борьбу? Зачем им надо было содействовать приходу исламистов к власти в Египте и Тунисе? Зачем им нужно поддерживать так называемую оппозицию в Сирии, не скрывающую своих связей с исламо-экстремистами? Да потому что лидеры всех этих стран «не слушались» США, имели хорошие отношения с Россией, а также были постоянной угрозой для главных союзников США в регионе — консервативных прозападных монархий. Поэтому-то США и стремятся сейчас «перестроить» весь Ближний Восток по только им известной модели, которая на деле оборачивается анархией, разрухой, обилием человеческих жертв¹, а главное — моральным и социально-политическим беспределом, в мутной воде которого США уже пятый год безуспешно пытаются поймать хоть какую-нибудь рыбку.

Таким образом, проблема исламо-экстремизма наших дней неотделима от состояния отношений Востока и Запада. Полное урегулирование этих отношений возможно лишь в результате кардинального разрешения противоречий, накопившихся в результате многовекового соперничества, войн и колониализма. На этом пути делаются лишь первые шаги, и отнюдь не главной державой Запада. Что касается отношений России и Востока, России и ислама, то их специфика и своеобразие требуют иной оценки и иного подхода. Основная причина трудностей в их урегулировании — неопределенность последствий социополитического, экономического и идеологического кризиса, пережитого Россией в 90-е гг., и негативное воздействие извне. Иными словами, разрешение еще имеющихся проблем во многом зависит от правильного выбора и будущих успехов внутривосточной, социальноэкономической и внешнеполитической стратегии России.

В дальнейших судьбах исламизма, как умеренного, так и экстремистского, многое зависит от того, как будет складываться конкретная обстановка в каждой из мусульманских стран, как будут развиваться ее экономика и внешние связи, насколько устойчивы окажутся общественные институты и механизмы в том или ином государстве. Поскольку речь идет о Востоке, то нет сомнений в том, что на характер и результаты данных процессов будут активно влиять и, собственно говоря, давно влияют не только этнические и классовые противоречия, культурные различия и всевозможные вмешательства извне, но и различная степень доминирования традиционных факторов — удельного веса племен, кланов

¹ Только в Ливии официально погибло 50 тыс. ливийцев, не считая убитых в тюрьмах и застенках. См.: Независимая газета. 2012. 16 апреля.

и каст, корпоративно-сословной, групповой и персональной борьбы, обилия течений регионализма, партикуляризма и сепаратизма, конкуренции различных сект, тайных обществ и религиозных течений.

Нестабильность социополитической и идеологической обстановки, к сожалению, сегодня норма в мире ислама. Чем это определяется, выше уже не раз говорилось. Гораздо труднее выяснить, каким образом, где и когда может быть достигнута в мусульманском ареале хотя бы относительная стабилизация, при которой возможно было бы планомерно и основательно, с расчетом на длительный срок решать накопившиеся проблемы. Недаром ряд встреч экспертов США и СССР еще до 1991 г. был посвящен анализу «главных внутренних сил, побуждающих к переменам в Иране, Саудовской Аравии, Кувейте и Ираке», а также «баланса устремлений к изменениям и контрольных систем, укрепляющих политическую стабильность в каждом из этих государств». Точно так же внимание уделялось противоречиям и поискам стабильности в Сирии, Египте, Йемене, Иордании, в целом на Ближнем Востоке и в Северной Африке¹.

Секрет нестабильности исламского Востока во многом заключен в нестабильности немусульманского Запада, активно влияющего уже несколько столетий на мир ислама и привносящего в него, наряду с модернизацией экономики, современной наукой, культурой и новейшими технологиями, также и другое — расовую и религиозную дискриминацию, борьбу классов и группировок, национальную рознь, социальные смуты и политические волнения, межгосударственные и гражданские войны, нередко заканчивающиеся революциями, социальными и политическими катастрофами. Сплетаясь с еще более богатым набором сугубо «восточных» противоречий и конфликтов, привнесенное извне способствует еще большей дестабилизации восточных социумов, искажению, отклонению, прекращению или обращению вспять многих развивающихся на Востоке процессов.

Политический ислам ныне практически господствует на мусульманском Востоке. Игнорирование его Западом привело к образованию экстремистского крыла в этой идеологии, которое стремится утвердить свои принципы путем террора и насилия. И чем дольше длится непонимание и вражда между Востоком и Западом, тем опаснее и влиятельнее становятся экстремисты. На Западе этого или не понимают, или пытаются использовать в своих интересах, что можно охарактеризовать лишь как безответственную авантюру.

Это постепенно превращает нашу планету в поле безысходной битвы, которая никак не способствует решению острых социальных, политических, экономических, технологических и культурных проблем, стоящих перед Востоком вообще и мусульманским Востоком

¹ Change and Stability in the Middle East: How Do We Get There From Here? Muscatine, USA, 1991. P. 5.

в особенности. Без решения этих проблем не будет основы для налаживания новых отношений между Востоком и Западом. А достигнуть этого они могут, лишь объединив свои усилия и возможности для длительного и равноправного взаимодействия во всех сферах отношений. Для этого необходимо, прежде всего, политическое доверие. Его надо добиться вопреки бесчисленным препятствиям. Иначе наша планета может уже в ближайшем столетии сгореть в пламени межрелигиозных, межнациональных, идеологических, геополитических и прочих войн, поводы (но не причины!) для которых у человечества всегда находились и именно сейчас скапливаются в необозримом количестве.

Литература

- Азия и Африка сегодня. М., 2001. № 4.
Арабский мир. Три десятилетия независимого развития. М., 1990.
Ближний Восток и современность, 2002. № 14.
Верт Н. История Советского государства. М., 1992.
Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., 2004.
Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
Мирский Г. И. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире: доклад на международной конференции в ИМЭМО РАН 27 июня 2003 г.
Ражбадинов М. З. Радикальный исламизм в Египте. М., 2003.
Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, 2000. № 117.
Аль-ислам фи таарих шууб аш-шарк [Ислам в истории народов Востока]. Бейрут, 1986.
Arabs and the West. Mutual Images. Amman, 1998.
Bennigsen A., Quelquejay Ch. Islam in the Soviet Union. London, 1967.
Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union. Gainesville, USA, 1994.
Change and Stability in the Middle East: How Do We Get There From Here? Muscatin, USA, 1991.
Islam Muslims and the Modern State. London, 1996.
Islam: State and Society. London-Riverdale, 1988.
Political Islam and Conflicts in Russia and Central Asia. Stockholm, 1999.
Roy O. Genealogie de l'islamisme. Paris, 1995.
The Palestine Question. N.Y., UN, 1980.
The Middle East Viewed from the North. Bergen, 1992.

POLITICAL ISLAM AND EAST – WESTS RELATIONS

Robert G. LANDA

Dr.Sci. (Hist.), professor, chief researcher,
Institute of Oriental Studies of the
Russian Academy of Sciences
(12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031,
Russian Federation).
E-mail: e-csherbakova@yandex.ru

Abstract. The historical experience of relations between East and West is characterized by the apparent instability, conflict and the presence of stereotypes. Successful standoff with the West by some Muslim polities, embarked in the early XXth century on its own path of nationalism and Islamic socialism, in the following years witnessed a dramatic transformation. The instability of the non-Muslim West, is the secret of the instability of the Islamic East. It is exposed to modernization impacts on the one hand and challenges of racial and religious discrimination, ethnic strife, social and political unrest on the other. Their interweaving creates destabilization in Eastern societies and at the same time strengthens the position of political Islam. Western attempts to ignore these processes underlie the formation of extremist ideological aspirations, which are used by the West in their irresponsible adventurous interests..

Keywords: political Islam, East, West, fundamentalism, extremism, globalization, «the society of a common destiny», stabilization.

